

ЛЕЙЛА АРДЕН

НИТЬ СУДЬБЫ
ШЕСТЬ СЛУЧАЙНОСТЕЙ

Лейла Арден
«Нить судьбы. Шесть
случайностей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72494185

SelfPub; 2025

Аннотация

«Шесть независимых историй о том, как случайности становятся решениями: звонок не в тот час, письмо без адреса, тень на мостовой... Тонкая нить связывает то, что принято называть судьбой».

Содержание

Глава 1 Тот самый поезд	4
Глава 2 Лаванда на перроне	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лейла Арден

«Нить судьбы. Шесть случайностей»

Лейла Арден

Глава 1 Тот самый поезд

Я опоздала на 7:42, и это оказалось лучшим, что со мной случилось за долгое время. Следующий поезд я взяла назло привычке – не «по делу», а чтобы проверить, можно ли сдвинуть жизнь хотя бы на миллиметр.

Утро началось, как всегда: будильник, горький кофе, зеркало, в котором я всё больше похожа на человека, умеющего делать вид, что всё в порядке. В офисе лампы горят одинаково – что в январе, что в июле; к вечеру от них остаётся тупая усталость за глазами. Сегодня эта усталость вдруг не поместилась внутрь. Я вышла раньше, чем нужно, и вместо остановки автобуса дошла до вокзала. Там пахло дождём и кофе из круглосуточного киоска, табло мигало зелёными строками, людей было много – и у каждого было куда ехать.

У меня – нет. Но я купила билет. Не глядя, куда он меня везёт. Хотелось не правильности – движения.

В вагоне «Ласточки» свет был тёплым, кресла – прохладными, в проходе кто-то сидел на чемодане, переписывался, кусал губу. Из соседнего ряда тянуло апельсиновым чаем – крышка термоса тихо звякала о пластик. Моё место – у окна. На соседнем сидел парень с книгой в мягкой обложке; обложка затёрта так, будто её давно носят с собой. Он приподнялся, пропуская меня, и коротко кивнул – без того сканирующего взгляда, от которого хочется спрятаться. Просто вежливо. И почему-то от этой обычной вежливости стало легче...

– Билеты, пожалуйста, – проводница двигалась по проходу, сканер негромко «пикал». Она взяла мой телефон, вернула с привычной скороговоркой:

– Спасибо, Анна.

Имя осталось между нами, как маленький огонёк: достаточно, чтобы заметить друг друга.

Поезд мягко двинулся. Город потёк за стеклом – вывески резались линиями рельсов, дворники на станции рисовали полукружьями, а дальше – тёмная зелень, речка, серое небо. На стыке путей вагон качнуло; телефон выскользнул у меня

из ладони. Парень поймал его до того, как корпус ударился о пол.

– Спасибо, – выдохнула я.

– Здесь всегда качает, – он улыбнулся уголком рта, словно извинился за рельсы.

Мы одновременно улыбнулись – как люди, узнавшие общий секрет.

Какое-то время мы молчали. Я слушала ровный тук-тук рельсов, будто кто-то простукивал меня изнутри и напоминал: «Живи». Внутри было ощущение подоконника тёплого окна – мир по-прежнему снаружи, но там больше нет холода.

Смс от начальницы вспыхнула: «Скинешь сводку по партнёрам ДО 19:00?» Я посмотрела, как экран гаснет, и перевела телефон в режим «Не беспокоить». Точка стала запятой.

Я поймала себя на том, что смотрю в тёмное стекло не как в стену, а как в экран, где можно увидеть черновик другой жизни. В отражении – то же лицо после рабочего дня, но уголки губ уже не тянут вниз, а взгляд держится увереннее, будто кто-то внутри поставил плечо. Я вдруг поняла, что не обязана прямо сейчас менять всё радикально; иногда достаточно повернуть голову и признать: можно иначе, и это «иначе» уже началось.

– Часто ездите этим рейсом? – спросила я, когда вагон нырнул в короткий тоннель и свет стал чуть жёлтее.

– Реже, чем хотелось бы, – он постучал пальцем по корешку книги. – Иногда поезд – лучший способ поставить запятую в дне.

– Запятую?

– Не точку. Чтобы было куда продолжать.

Фраза попала точно в цель.

– Сегодня я решила заменить все точки на запятые, – сказала я.

– Меня зовут Максим, – представился он, будто мы оба этого ждали.

– Аня, – ответила я, хотя проводница уже сказала за меня.

Разговор пошёл сам собой – без попыток понравиться и без этих искусственных «А чем вы занимаетесь?». Он работает инженером, живёт «на две линии»: маленький город и мегаполис; иногда специально садится не на тот поезд, чтобы застать рассвет на мосту. Я сказала, что встаю рано, но не помню, когда в последний раз вставала ради чего-то, кроме расписания. Мы обменялись парой смешных историй: он – как в институте проспал экзамен и случайно попал на другой поток, где нашёл своих людей; я – как однажды купила билет не на тот день и успела на последний вечерний – и от этого

всё устроилось лучше, чем могло.

Между репликами было много воздуха. Мы вместе смотрели в окно, где отражения держались скошенными тенями. Иногда плечи едва касались – поезд шёл ровно, но ощущение близости всё равно было. И это казалось правильным: будто кто-то тихо подвинул стул и сказал: «Сядь. Поживи рядом с собой».

– А книга о чём? – кивнула я на обложку.

– О том, что людей спасают не громкие решения, а маленькие выборы, – ответил он. – И ещё – что иногда надо сесть на «не тот» поезд.

– Похоже, сегодня мы сделали именно так, – сказала я.

Проводница снова прошла – на этот раз проверяла, как закреплены сумки на верхних полках. На промежуточной станции вошла женщина с огромным букетом – лаванда пахла югом; в другом конце вагона мальчик шептал: «Мы скоро?» – и тут же уснул. Мир вёл себя как мир, и от этого становилось спокойно.

Мы разговорились глубже – уже не про маршруты.

Максим рассказывал, как ездил в горы и слушал тишину: «Она там не пустая, а как вода – пьётся». Как однажды шёл пешком от станции к своему посёлку два часа под дождём и

был счастлив, потому что никто не требовал от него ответов. Как в детстве любил стоять у линии и считать вагоны, пока мама не крикнет из окна: «Домой!» Его голос был негромким, но в нём было движение – будто он шёл рядом и подставлял плечо, когда грунт становился вязким.

Я тоже постепенно отогревалась. Поймала себя на том, что вместо привычного «да всё нормально» говорю: «Иногда мне страшно, что так и останется – всегда одинаково».

– Не останется, – сказал он. – Потому что вы уже сели не туда, куда «надо».

И вот это «вы уже» оказалось важнее любых мотивационных цитат.

Тележка с напитками звякнула рядом. Максим спросил:

– Чай? Кофе?

– Чай, если можно. Чёрный, без сахара, – сказала я, а затем неожиданно добавила: – С лимоном.

– Отличный выбор, – он улыбнулся и взял два стаканчика с крышками и маленький бумажный пакетик печенья.

Мы пили горячее, осторожно поддувая сквозь отверстие в крышке, и я вдруг поняла, что мне вкусно – и чай, и разговор, и эта дорога, которую я давно разучилась любить.

Где-то посреди пути поезд замедлил ход – перед мостом он всегда тормозит, сказал Максим. Мы встали и прошли в

тамбур, где окно больше и ближе, и можно смотреть на реку так, будто на неё решился. За стеклом шёл дождь – мягкий, нескудный. Вода внизу принимала воду сверху; в этом было много смысла, и не нужно было произносить его вслух.

За нами вошла проводница:

– Уважаемые пассажиры, просьба не задерживаться в тамбуре. Скоро станция.

– Уже возвращаемся, – спокойно ответил Максим. Мне понравилось, как спокойно он это сказал – без раздражения. Способность не шипеть на мир – это тоже выбор.

Мы вернулись на места. Рядом с нами пожилой мужчина разворачивал газету; на первой полосе было крупное «СЕГОДНЯ». Забавно – у меня «сегодня» наконец случилось.

– Вы часто бываете в Приволье? – спросила я. Голос по громкой связи мягко предупредил: «Следующая – Приволье».

– Почти каждую неделю, – кивнул Максим. – У меня там мама. После операции с огородом тяжело, так что езжу по выходным, помогаю.

– Это... – я не нашла слово, которое не будет звучать «правильно». – Это важно.

– Это – ровно то, что надо мне, – сказал он просто. – Помогать тому, кто помогал тебе, – как раз та запятая, о кото-

рой я говорил.

Я кивнула. В этом разговоре кто-то всё время ставил метки на карте: «Здесь было сказано правдиво».

Я рассказала, как мы с папой ездили к бабушке в другой город, когда мне было семь, и я впервые видела море: бежала по пляжу в кепке, которая всё время слетала, и собирала гладкие камушки – доказательства, что счастье бывает твёрдым и тёплым. А потом, уже в университете, я перестала уезжать «просто так» – всегда «по делу», «по графику», «по согласованию».

– Сегодня вы сделали «просто так», – улынулся он. – Видите, как сработало.

Сработало. Во мне словно прорезалась тропинка, которую я сама себе замела за годы. Поезд качал ровно, но тишина внутри меня уже не была той сухой пустыней, где хочется лечь и не вставать. Там звучали шаги.

– Следующая – Приволье. Стоянка – две минуты, – повторил динамик.

Максим взглянул на часы и улынулся:

– Всегда кажется, что до остановки ещё далеко. А потом – раз, и пора.

– Похоже на жизнь, – сказала я.

– Потому и ценны запятые, – ответил он.

Он поднялся, снял рюкзак, привычно перекинул лямку через плечо. Я тоже встала – не мешать и... не упустить. В этот момент я поняла, что боюсь именно «упустить». Не человека – момент, в котором я вдруг совпала сама с собой.

– Спасибо за компанию, Анна, – его голос стал тише, и моё имя прозвучало так, будто оно у него давно на языке.

– Это я должна сказать спасибо, – ответила я. – Вы вернули воздух моему дню.

Он коротко улыбнулся. Помолчал. И, чуть замявшись, обнял – осторожно, как обнимают тех, кого боятся спугнуть. Он пах дождём и хвойным, и этого объятия хватило, чтобы понять: я не придумала. Я здесь, я – живая, меня можно держать за плечи, и это нормально.

Двери с шипением разошлись. Ночной воздух вкатился в вагон прохладной волной. На пустой платформе горел одинокий фонарь. Максим прыгнул, обернулся и поднял ладонь – не «прощай», а «да».

– До встречи, – сказал он так, будто не сомневался.

Я стояла на ступеньке тамбура, держась за поручень, пока поезд не тронулся. Когда вернулась на место, заметила у себя в ладони тонкую бумажную полоску – закладку из его книги, с ровно оторванным краем. На ней аккуратным по-

черком было написано:

«7:42. Завтра – там же».

Я рассмеялась сквозь слёзы. Это была не вежливая просьба «позвонить» и не красивый жест из кино. Это было расписание, вписанное в наш общий день. Я провела пальцем по чернилам – они уже подсыхли.

Телефон завибрировал – начальница прислала ещё одно «СРОЧНО ДО 19:00». Я набрала: «Сделаю утром. Сегодня не успею». И нажала «Отправить». Не из дерзости – из правды. Потом открыла будильник и поставила 6:30.

Я представила утро: куплю кофе и чай с лимоном – на случай, если вдруг захочется. Завтрак – дома, шарф – потуже, поезд – 7:42. Я даже увидела себя со стороны: женщина с бумажными стаканчиками на платформе, которая впервые за долгое время опаздывает не к жизни, а из неё – в неё возвращается.

Оставшуюся дорогу я слушала вагоны. В соседнем ряду женщина с лавандой аккуратно поправляла ленту; парень у окна задремал, прислонившись к стеклу; кто-то шептал по телефону: «Да, уже еду». Я достала из сумки маленький блокнот – тот самый, который таскаю «на всякий случай» и почти не заполняю. На чистой странице написала: «Запя-

тая». Ниже: «7:42». Сложила лист и вложила рядом к закладке Максима – как ответ, который он не увидит сегодня, но который уже есть.

Перед моей станцией я надела шарф, поднялась, ещё раз посмотрела на его закладку – убедиться, что надпись не смазалась. Нет, всё чётко: «7:42. Завтра – там же». Поезд остановился, двери распахнулись. Я ступила на платформу и вдохнула прохладный воздух. Где-то невидимо рассвет собирался в кулак – это чувствовалось по воздуху, как по обещанию.

Дома я поставила чайник и записала три короткие вещи: «Уволиться – не завтра. Но перестать жить как “потом” – прямо сейчас», «Купить кроссовки – чтобы утром было куда идти, даже если никуда не надо», «7:42 – быть». Потом сняла часы, положила рядом с телефоном и закладкой, погладила бумагу. Я боялась уснуть – не проспать, а вдруг – разбудить это хрупкое «да», которое мне сегодня сказали. Но уснула быстро, впервые за долгое время – не от усталости, а от тихого счастья.

Мне снилось, что мы стоим на мосту и смотрим, как рассвет двигает границу между ночью и днём. Рассвет никогда не говорит громко – он просто делает своё. Как поезда. Как люди, которые однажды решают жить дальше.

Утром я проснусь до будильника. Заварю кофе. Возьму два стаканчика. Завяжу шарф. Приду на платформу, где пахнет дождём и тем самым киоском.

И если там будет человек с книгой и улыбкой в уголке губ – я скажу: «Спасибо за запятую».

А если его не будет – всё равно сяду в 7:42. Потому что теперь у меня есть движение. И у движения – адрес.

Иногда судьба не стучит в дверь.

Иногда она просто садится напротив, ловит твой телефон до падения – и оставляет на ладони бумажку с временем.

Глава 2 Лаванда на перроне

Я пришла слишком рано и сразу поняла: перрон не любит тех, кто торопится ждать.

Воздух здесь всегда чуть холоднее, чем в городе, – будто станция держит свою погоду. Жёлтый фонарь над скамейкой мерцает, как свечка, прикрытая ладонью. Я стала под свет и сняла резинку с букета: лаванда расправилась, пахнуло тёплым югом, стало легче.

Я ждала человека, которого два года привыкала не ждать. «Давай хотя бы поговорим», – написала я накануне. Он ответил через час: «Хорошо. Завтра в восемь. На твоей станции».

Сейчас было без двадцати восемь. Телефон лежал экраном вниз – пусть молчит.

По перрону ходил охранник в форменной куртке, шаркал подошвами и время от времени поглядывал на меня так, будто хотел предложить сесть, но передумывал: вдруг у меня всё продумано. Бабушка в платке таскала к краю платформы сумки – похоже, встречала кого-то с поздней электрички; мальчишка с рюкзаком бросал и ловил мяч, как метроном для вечера. Мир занимался своими делами и не заметил, как я пришла слишком рано, чтобы передумать.

Я всегда оставляю себе лазейку. Сегодня – никаких лазей-

ек. Если он не придёт – уеду первой попавшейся электричкой. Не в знак обиды; просто пора идти туда, где не ждут.

– Девочка, не мёрзнешь? – спросила дежурная по станции, вихрем вылетев из своей комнатки. На ней была ватная жилетка и вязаная шапка с помпоном; пряди выбились и торчали забавными петельками.

– Нет. Я недолго, – сказала я и сама услышала, как неуверенно это прозвучало.

Дежурная кивнула на букет:

– Лаванда... красивая. Душистая. Редко такую вижу – обычно розочки пластиковые носят. Для кого?

– Для разговора, – ответила я, и она не стала задавать лишних вопросов.

Я села на край скамейки и развернула записку, которую носила в кармане с весны. Вверху было чужое аккуратное: «7:42. Завтра – там же». Записка случайно попала ко мне – принесли с документами; хотела вернуть, не нашла хозяина. И почему-то не выбросила. Дурацкая бумажка стала талисманом: «завтра – там же» означало, что где-то в мире люди обещают друг другу не пропасть.

7:42. У каждого ли своё расписание счастья?

Телефон вздрогнул. Сообщение от него: «Задерживаюсь. Буду позже».

– Не позже, – прошептала я. – Или сейчас, или никак.

Отвечать не стала. Сегодня время – на моей стороне.

Я придвинула букет ближе к лицу, вдохнула. Сначала

сладко, затем слегка горчит – будто у запаха есть собственный ответ. Я вспомнила лето у тёти в станице: мы набивали полотняные мешочки сухими веточками и раскладывали по ящикам с бельём. Тётя говорила: «Лаванда прогоняет не только моль, но и дурные мысли». Тогда – не верила. Сейчас – очень хочется.

– Помочь? – спросил мальчишка с мячом, подбежав к бабушке с сумками.

– Да куда тебе, – отмахнулась она и тут же смягчилась: – Ну, спасибо, внучек.

Я смотрела на них и думала, как мало усилий нужно, чтобы в чьём-то дне появилась запятая.

На табло зелёные строки дёрнулись, съехали на следующую – восьмая уже близко. Телефон снова вздрогнул: «Минут на двадцать».

Я положила его в сумку и застегнула молнию. Всё. У обещаний с хвостиком «потом» нет шанса остаться обещаниями.

Ближайшая электричка в город – через десять минут. Я встала. Дежурная выглянула, увидела меня на ногах и кивнула – как командир перед стартом.

Я пошла вдоль платформы, придерживая ленту, чтобы букет не рассыпался. Пара крошечных цветков сорвалась ветром. У края стояла девушка в бежевом пальто и говорила по телефону: «Да, я сама... Нет, всё нормально...» Голос дрожал так знакомо, что захотелось подойти и обнять. Я прошла

мимо и лишь пожелала ей мысленно, чтобы тот, кому она звонила, не опоздал.

Где-то объявили ограничение скорости. Вдалеке загорелись прожектора. Я поймала себя на глупой мысли: а вдруг он всё-таки появится сейчас, взлохмаченный, виноватый, скажет «извини», и я, как обычно, улыбнусь и скажу «ничего».

Нет. Ничего – это и были эти два года.

Я остановилась под жёлтым светом. Лампа тихо потрескивала, словно замёрзла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.